Ставка на проигрыш

Автор:
Оксана Обухова

Ставка на проигрыш

Оксана Обухова

Авантюры серьезной девушки #4

Почти невеста Софья Иванова отправляется в предсвадебный круиз с Назаром Туполевым. Ей грезятся чайки, пальмы, обручальное кольцо, утонувшее в бокале с пузырящимся шампанским… Но потонули – грезы. Перед отправкой теплохода острый взгляд Софьи умудряется опознать иностранца в заштатном посетителе провинциального магазина. Любимый побоку – невеста оказывается втянута в игру контрразведки против иностранного агента.

Оксана Обухова

Ставка на проигрыш

В любой ситуации необходима минимальная доля абсурда.

По Довлатову

Упитанная белая чайка походкой старого кавалериста задумчиво обходила мусорный бачок. Сонная официантка махнула полотенцем, птица шарахнулась под пластмассовый столик уличного кафе и там наткнулась на огрызок беляша.

Подхватив его желтым плоским клювом, чайка взлетела и была тут же атакована драчливыми соплеменниками. Беляш шлепнулся в воду, и вся стая,

вереща и пихаясь, бросилась добычу подбирать. Я вытянула шею – птичьи разборки закрывал от меня высокий гранитный парапет набережной, – но так и не поняла, кому достался трофей: законной ли добытчице или ее флибустьерствующим родственникам. Чайки похожи друг на друга, как диетические яйца в картонной упаковке.

Стая еще немного поорала, повыступала, я отпила глоток гаденького растворимого кофе (в забегаловке на набережной только пиво было приличным) и блаженно потянулась. Предвкушение праздника не могли испортить ни набегающие тучи, ни вопли крылатых флибустьеров, ни сонная официантка, одним видом убивающая желание позавтракать. Предвкушение праздника – состояние особое, и его не способны испортить мелкие пакости вроде дождя или слишком сладкого кофе из пакетика «3 в 1». Я сидела под тентом кафе на набережной и любовалась видом двухпалубного белого парохода – класс «река – море», как скупо информировал Туполев, – пришвартованного метрах в пятистах от меня.

Слов нет, я могла бы любоваться пароходом и с более близкого расстояния, но возле трапа «Мадемуазели» не нашлось уютного столика под балдахином и пластмассового креслица. И потому, побродив по пристани туда-сюда, туда-сюда, я направила стопы к торговому комплексу (бывший кинотеатр «Мираж»), где этих самых столиков расположилось – пруд пруди. Причем абсолютно свободных и девственно чистых, поскольку время вечернего моциона горожан еще не наступило. Был прохладный дообеденный час, и даже наплыв отоваренных в «Мираже» граждан еще не успел осчастливить чаевыми уснувшую возле стойки официантку. Из посетителей в кафе – только я и чайки.

Блестящая лента реки слепила глаза даже сквозь защитные очки, я поменяла угол обзора и, повернув голову немного назад, взглянула на приснопамятный «Мираж».

Здание скончавшегося в постперестроечную эпоху кинотеатра радовало глаз монументально-серым бетоном и обилием стекла по фасаду. По странной прихоти архитектора кинотеатр радовал стеклянным передом не оживленный городской проспект, а пустую набережную, крикливых чаек и редких рыбаков, стоящих, надо сказать, к парадному фасаду тоже далеко не лицом. Дивным ликом застекленного монстра – стиль постройки напоминал Кремлевский дворец съездов – в основном любовались пассажиры прогулочных катеров, совершающих обзорные экскурсии вниз по реке.

Не удивлюсь, если и захирел-то кинотеатр из-за этой архитектурной оплошности: для того, чтобы попасть к кассам, потенциальным зрителям приходилось огибать огромное строение и топать по продуваемой всеми ветрами площади. Зимой и в промозглое межсезонье дамы здесь едва-едва подолы удерживали от несущегося с реки сквозняка.

А зачем, спрашивается, страдать? В городе и без «Миража» полно кинотеатров, приветливо распахивающих двери в пяти метрах от проезжей части. «Мираж» хирел, прозябал и в конце концов отдался квадратными метрами под торговые павильоны, бутики и выставочные стенды. Расторопные торговцы мудро плюнули в сторону застекленного фасада и сделали так, чтобы народу удобнее получилось: раскрыли для посетителей задние двери почившего кинозала. Торговому люду не до архитектурных излишеств, им бы покупателя заманить и отоварить.

…Оглаживая рассеянным взглядом серый бетон, я медленно попивала кофе и пыталась мысленно сверить список собранных в поездку вещей. Два пухлых чемодана дожидались меня дома в прихожей, а серая туча целенаправленно двигалась к белому пароходу и образно напоминала: не забудь, Соня, зонт! И плащ с резиновыми сапогами.

Я заботливо внесла в мысленный список несколько вышеперечисленных предметов, прищурилась в сторону «Миража» и увидела забавную картину. В проходе между двумя рядами стеклянных дверей метался перепуганный гражданин в мешковатом костюме, клетчатой кепке и круглых очках в стиле Джона Леннона или кота Базилио. Гражданин бился о двери и искал выход.

«Ильфа и Петрова не читал, – вздохнув, подумала я. – «В Москве любят запирать двери». А у нас хоть и не Москва, но двери тоже повсеместно заперты».

Гражданин в мешковатом костюме метался по стеклянному вольеру, пихал локтями двери, и выражение его лица напомнило мне вопль Ивана Грозного из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»: «Замуровали, демоны!!!»

«Или «Двенадцать стульев» не читал, или иностранец», – снова вздохнула я и уже собралась помахать рукой бедолаге и жестами направить его к крайней и, скорее всего, незапертой двери, как он сам, методом локтевого тыка, ее обнаружил. Выскочил на площадь, легко сбежал по нескольким ступеням к

набережной и направился к стойке кафе.

У меня было прекрасное настроение, я сердечно улыбнулась бестолковому гражданину, но тот так злобно зыркнул на меня из-под очков, что улыбка моя тут же завяла, так и не распустившись до конца.

«Фу… Чучело невоспитанное», – отрешенно фыркнула я и вернулась к пакостному кофе и моему предвкушению. Которое, как известно, ничем не испортишь.

Малообразованный иностранец буквально секунду постоял спиной к стойке, лицом к «Миражу», потом внезапно и резко взял с места и почти бегом бросился к ступеням, ведущим вниз на узкую гранитную полоску возле самой воды. Его клетчатая кепка последний раз мелькнула над гранитным парапетом и исчезла.

Я наконец-то допила пакостный кофе, прикурила сигарету и обратила внимание, что народ продолжает прибывать на набережную. Причем без покупок в фирменных пакетах «Миража». Сначала из стеклянных дверей выскочили два озабоченных мужика – один в джинсовом костюме, другой в рубашке поло и льняных брюках, – потом на площадь перед кафе выкатился тощий юнец на роликовых коньках. Он прокатился вокруг кафешки, поозирался и недолго думая покатил в сторону грузового порта.

Мужики же тем временем о чем-то посовещались и разошлись в разные стороны: джинсовый потопал к дорожкам парка, расположившегося по левую сторону от «Миража», «поло» порысил обратно к кинотеатру. Их цепко ищущие глаза обшаривали каждый метр площади, и мне почему-то показалось, что разыскивают они невоспитанного иностранца.

«Может быть, охрана комплекса? – немного вяло подумала я. – «Клетчатый» спер что-нибудь и теперь его ловят? А впрочем, – с той же вялостью продолжила размышлять, – российское ворье в двух дверях не запутается. Да и мужики на охранников не очень похожи… Может быть, они владельцы магазинов?…»

Эту мысль я не успела додумать. Из «Миража» вольной походкой спешащего куда-то человека вышел молодой мужчина в темном костюме и белой рубашке, стянутой у горла галстуком, и запрыгал по ступеням к столикам кафе. Прошел мимо меня, облокотился на стойку и огорченно забарабанил по ней пальцами.

Официантка раскрыла пошире сонные глазки, профессионально оценила клиента, убедилась, что она и пиво клиента пока не интересуют – тот все еще в задумчивости пребывает, – и снова ушла в себя.

Мужчина, так и не сделав заказ, отлепился от стойки и дважды прошел вдоль гранитного парапета туда и обратно. Лицо у него было грустное, задумчивое и глубоко сосредоточенное.

Мне почему-то стало его жаль, и, когда он проходил совсем рядом с моим столиком, я не удержалась и ляпнула:

– Простите. Вы, случайно, не иностранца в клетчатой кепке ищете?

Мужчина был хорошо одет и вполне тянул на владельца ювелирного магазина.

Ювелир проскочил по инерции на метр вперед, потом на какое-то время замер спиной ко мне – руки уставлены на бока, полы пиджака распахнуты, – наконец повесил верхние конечности вдоль тела и осторожненько так развернулся.

– Как вы сказали? – прищурился он пытливо и несколько растерянно. – Иностранца?

– Ну да. В клетчатой кепке и круглых очках… Он вниз к воде спустился.

Мужчина быстро сбегал к воде, вернулся и, потоптавшись невдалеке, с невыразимо кошачьей грацией просочился за мой столик на свободное кресло. Его глаза пошарили по моему личику, подбородок несколько раз дернулся.

– А с чего вы взяли, что это был иностранец? – спросил он со сладчайшей вкрадчивостью.

Не найдя ничего лучшего – все мысли сдувало ветром к белому пароходу на пристани, – я брякнула:

– А потому что он Ильфа и Петрова не читал.

Челюсть визави немного уползла вниз. Выражение крайнего удивления на его лице медленно сменилось на абсолютную подозрительность.

– А откуда… Вы… Знаете, – придя в себя, раздельно произнес владелец ювелирного магазина, – что он не читал Ильфа и Петрова? – Мужчина склонился над столиком совсем близко к моему лицу, и я, к своему ужасу, увидела, что ухо у него напружинено. Кудрявая белая проволочка свешивалась из-за уха и спускалась за ворот пиджака.

Влипла, стремительно пронеслось в голове. Дооригинальничалась, допрыгалась. Вечно язык куда не надо протяну.

Напружиненный представитель правоохранительных органов – а кто еще это мог быть (?!), президент с охраной вряд ли в «Мираж» наведается – внимательно всматривался в мое обескураженное лицо. Я справилась с растерянностью и пустилась втолковывать детально. Зашла издалека:

– Вы сами-то Ильфа и Петрова читали? «Двенадцать стульев»?

– Предположим, – с той же вкрадчивостью кивнул «напружиненный».

– Помните, там отрывок, что начинался словами «В Москве любят запирать двери»?

– Предположим, – не меняя интонации, и с этим согласился мужик.

– Так вот. Тип в клетчатой кепке мало того, что не читал, он еще и испугался, когда увидел, что дверь напротив открытой двери – заперта. Понимаете?

– Предпо… – начал тот и не договорил. – Что было дальше? Почему вы подумали, что вышедший десять минут назад из «Миража» гражданин иностранный подданный?

«Ты что, тупой? – хотела обидеться я. – Я ж тебе три раза про запертые двери сказала!» Но, мудро рассудив – у человека работа такая, въедливая, – пустилась втолковывать дальше и даже голоса не повысила:

– Нормального русского человека запертой у носа дверью не удивишь и не напугаешь. Мы с детского сада знаем, что, если дверей больше чем одна в ряду, открываются они наискосок. Так? Так. А этот все подряд пихал. И паниковал, как будто его замуровали.

– Он пихал их ладонями? – внезапно оживился собеседник.

Я, припомнив, помотала головой:

– Нет, локтями.

– Жаль, – пробормотал мужчина и, внезапно смолкнув, начал прислушиваться к чему-то внутри себя. – Хорошо, – сказал, – слушаюсь.

И я поняла, что прислушивался он отнюдь не к себе, а совсем наоборот, к наушнику на пружинке.

– Вам придется проехать с нами, – произнес он с профессиональным спокойствием, как будто речь шла об очередной чашечке кофе.

– Куда это с вами? – опешила я.

– Вам надо дать показания.

– Кому?! Какие?!

Вопросы, что называется, повисли в воздухе. Из парка к нашему столику выдвигался давешний джинсовый господин, на набережную, обогнув кинотеатр, плавно выруливала белая «газель» с густо тонированными стеклами.

Грустно прикинув расстановку сил, я поняла: их собралось гораздо больше, сопротивляться бесполезно.

Но попробовать стоило.

– Никуда я с вами не поеду… – жалобно провыла я. – У меня теплоход через три часа отплывает!

– Предъявите, пожалуйста, документы, – в ответ на слезливую риторику строго произнес визави.

Скулеж тут, факт, не проходил, и я пошла с другого бока.

– И не подумаю, – все еще надеясь соскочить, гордо фыркнула я и полезла в сумочку за сотовым телефоном. Сейчас я вам покажу. Сейчас я вам устрою. Где там у меня телефон милицейского генерала Ивана Артемьевича записан? А?

– Не надо никуда звонить. – Рука собеседника, изобразив перископический эффект – из рукава пиджака сантиметров на пятнадцать выехал манжет рубашки, и далее выдвинулось волосатое запястье, – протянулась ко мне. – Не надо.

Я дернула плечом и услышала, как из приоткрытой дверцы подъехавшей «газели» раздался начальственный окрик:

– Сидоров!

Напружиненный незнакомец, оказавшийся всего лишь Сидоровым, послушно снял зад с пластмассового сиденья, подарил мне многозначительный взгляд – мы с вами, девушка, еще не закончили – и рысью поскакал к микроавтобусу. Я предупреждающий взгляд призрела, моментально сбросила в сумку сигареты, зажигалку и вскочила на ноги.

Путь мне преградил серьезный джинсовый товарищ.

– Задержитесь, пожалуйста, – произнес он вежливо и бестрепетно.

– Зачем? – Задерживаться мне было вовсе ни к чему.

– Пожалуйста, – с нажимом повторил мужчина, и я поняла, что бунтовать бессмысленно. Артемьичу позвонить не дадут, а лихо закрутят руки и доставят «куда надо».

В «газели», куда меня вскорости доставили, сидел коренастый господин средних лет. Почти лысый, голубоглазый и, в отличие от мелких чинов, сразу представившийся.

– Подполковник Огурцов. Михаил Николаевич, – сказал и выжидательно поднял брови, попросив тем самым представиться меня.

– Софья. Иванова. Документы нужны?

– Желательно, – вымученно-кисло улыбнулся службист и получил в лапу мои автомобильные права. – Так-так. Софья Николаевна, значит… И как же это вы, Софья Николаевна, иностранца-то в гражданине определили?

Судя по всему, пока у кафе меня конвоировал джинсовый товарищ, напружиненный Сидоров успел кратко информировать начальство о сути происшествия. (Или же начальство само все слышало по громкой связи, так как эта связь продолжала осуществляться третьим лицом внутри «газели». Возле узкого столика, сплошь забитого аппаратурой, сидел немолодой мужик в наушниках и, судя по всему, слушал эфир. На меня с подполковником он совершенно не обращал внимания и сосредоточенно смотрел в угол.)

– Про двери заново рассказывать? – обреченно вздохнула я.

– Нет, – снова и уже совсем не кисло улыбнулся товарищ Огурцов.

Мне показалось, что подполковник изо всех сил старается исправить негативное впечатление, оставленное его настырными коллегами. Он пытался расположить к себе свидетельницу (относительно чего у меня уже не было никаких иллюзий, я стала именно свидетелем) и гляделся этаким добрым дядюшкой со сдвигом в провинциальное любопытство.

– Тогда чем я могу быть вам полезна?

– Опишите, пожалуйста, если можно подробнее, внешность человека, вышедшего из «Миража».

Просьба, надо сказать, меня крайне удивила. За «клетчатым», судя по всем событиям, крепко следили. То есть – знали. Кто он, что он и как выглядит. И свое удивление я выплеснула вопросом:

– А ваши товарищи этого сделать не могут?

– Нет, – скуксился Огурцов. – Если бы могли, я бы вас об этом не просил.

– Странно, – пробормотала я и вяло пустилась описывать: – Ну… рост примерно мой, метр семьдесят пять… Вес… Вам и рост, и вес нужно?

– Говорите, говорите, – приободрил подполковник и покосился на мужика в наушниках. Тот поймал его взгляд – я искоса за этим обменом проследила, – покачал головой и пожал плечами с самым виноватым видом. Поиски «клетчатого» иностранца, следовательно, безрезультатно продолжались в порту и его окрестностях.

– Вес, я думаю, килограмм восемьдесят пять, не меньше… Волосы… то ли седые, то ли просто серые, собраны сзади в хвост и накрывают уши… – Бормоча все это, я, убей бог, не понимала, зачем усердствую. За «клетчатым» следили! Причем слежку вели профессионалы, обученные давать словесные портреты и насобачившиеся в этом за долгие годы службы! – Господин подполковник, – не чувствуя в себе энтузиазма, снова взбрыкнула я, – все же не совсем понятно… Почему описанием вашего «объекта» занимаюсь я, а не ваши коллеги?

Огурцов печально посмотрел в мои глаза, догадался о сомнениях и решил добавить мне чувства ответственности емкой фразой:

– А потому, что только вы, Софья Николаевна, видели его в лицо.

– Как? Только я?!

– Да, – просто ответил службист.

– Но ведь вы за ним следили!

– Мы следили за человеком, который пришел с ним на встречу, – сложив лицо в недовольную гримасу, пробубнил Огурцов. – Но «передача» прошла так быстро и скрытно, что, кроме спины и клетчатой кепки, никто ничего не увидел.

– Поня-а-а-атно, – протянула я.

– Надеюсь, – став очень-очень серьезным, сказал подполковник, – теперь вы понимаете всю полноту ответственности.

Казенно-протокольная фраза легла на мои плечи всем грузом этой – черт ее забери! – ответственности. Я прилежно сощурила глаза, сосредоточилась и восстановила в памяти каждую секунду короткой встречи с иностранцем. Мимо моего столика он действительно проходил очень близко…

Но прежде чем приступить к детализации портрета, для успокоения совести решила все же уточнить:

– Михаил Николаевич, а этот гражданин мог изменить внешность?

– Мог, – четко и твердо сказал Огурцов.

– Тогда… Длинные волосы, скорее всего, парик.

– Почему вы так решили? – оживился подполковник.

– Потому что я женщина, – весомо напомнила я. – И на такие особенности обращаю внимание. Волосы незнакомца имели тусклый, неживой вид. Как пакля. Они совершенно закрывали уши, частично шею и скулы. Лицо у гражданина скорее круглое, чем овальное, но этот эффект могла дать низко надвинутая кепка… Дайте-ка лист бумаги, я попробую нарисовать…

Подполковник тут же выудил из-под стола два листа формата А4, карандаш и положил их передо мной. Я пробормотала «та-а-ак», нахмурила лоб, прикусила нижнюю губу и приступила к начертанию портрета, чего в принципе никогда не умела делать. (Но на пристани белый теплоход уже разводил пары, цейтнот добавил мне талантов и прыти, и портрет получился вменяемым с первого раза.)

– Кепка низко надвинута, парик меняет контуры лица, – старательно рисуя, бубнила я, – щеки чуть-чуть раздуты… как будто он за них что-то подсунул… Нос… нос довольно бесформенный…

Губы… – Я подняла от листка голову, посмотрела на потолок «газели» и, не найдя там подсказки, сконцентрировалась на внутренних ощущениях лица, промелькнувшего буквально в трех метрах от меня, когда «клетчатый» сосредоточенно рысил к прилавку. – Губы не помню. Они почти сливались тоном со щеками. Думаю… он сравнял их гримом…

– Ну попробуйте хотя бы примерно! – взмолился подполковник. – Толстые, средние, узкие? Нижняя часть лица совсем уплывает!

– Нет, – твердо отрезала я и отложила карандаш. – Я смотрела на очки а-ля Джон Леннон, на кепи, на странную прическу, губы остались за кадром.

– А подбородок? Оттолкнитесь от подбородка!

Я старательно оттолкнулась с тем же результатом.

– Нет. Губ нет.

– А щетина? Светлая, темная, рыжая?

– Чисто выбрит. Шея?… Шея… пряталась в приподнятом вороте рубашки, высоко торчащей из-под пиджака. Пожалуй, это все, чем я могу быть вам полезна.

Михаил Николаевич обреченно посмотрел на портрет в формате А4, – рисунок первоклашки, мало применимый для разработки, – и решительно произнес:

– Через… – он глянул на наручные часы, – минут десять мы тут сворачиваемся, поедете с нами, Софья Николаевна, наши специалисты помогут вам составить более качественный портрет.

– Михаил Николаевич, а я не могу, – весело, тем не менее твердо проговорила я. – Через два часа у меня теплоход отходит. – Лукавила. Через два часа ко мне домой только Туполев «подплывал» – и то, скорее всего, с опозданием, – но

тратить время на составление портретов всяких там злоумышленников, я все-таки не собиралась. Девушке перед дорогой надо еще душ принять, макияж поправить, в идеале чаю попить и упрятать в чемодан плащ-накидку, резиновые сапоги. – Простите, но я должна…

– Вы должны поехать с ними, – прерывая мою трескотню, бухнул подполковник. – Речь идет о безопасности государства.

Вот, что называется, и поплавали. Безопасность, оказывается. А я-то по наивности думала, менты карманника ловят. Или наркодилера.

Ну не идиотка ли?! Такая облава. Спецсредства. Подполковник лично в «газели» парится. Куча мужиков по набережной носится…

– А-а-а, – протянула я, – прямо тут… нельзя?

– Нельзя, – сурово поставил точку Огурцов.

– Так я же опоздаю!!

– Мы вас вертолетом на любую пристань доставим, – прокряхтел подполковник, тяжело поднимаясь со стула. Приоткрыл дверь «газели» и вышел на улицу.

Зримый образ вертолета добил меня окончательно. Уничтожил прямо-таки. Всего неделю назад Туполев сделал мне последнее китайское предупреждение и сформулировал его так:

– Твоя редкая особенность влипать в истории наводит меня на тяжкие размышления. – Вступление Назар Савельевич произнес весьма игриво, сделал паузу и тут же бабахнул из всех стволов: – Надеюсь, эта поездка пройдет без эксцессов. Пообещай мне, Софья, – никаких историй. Хорошо?

– Клянусь! – мяукнула я и даже проделала ладошкой в воздухе знак, отдаленно напоминающий крестное знамение. – Никаких историй. Только ты, я и белый теплоход.

– Надеюсь, – хмуро кивнул Туполев и поцеловал меня в щеку. – Будь умницей.

Интересно, что он скажет, когда «умницу» Софью доставят к любой пристани на вертолете?

Думаю, ничего не скажет. Только чемоданы за борт выкинет. Назара Савельевича родная мама «человек-топор» зовет.

Ох, я и влипла!..

Начать звонить генералу Артемьевичу и орать: «Караул, спасайте!»?

Пожалуй, не стоит. Артемьич вмиг уважаемому олигарху стукнет, и результат будет тем же. Чемоданы за бортом плавают, Софья с пристани мокрым платочком машет.

Мамочки родные, что ж делать-то?!

Оторвав онемевшее седалище от табурета, я было метнулась на выход, но путь из «газели» мне перегородило чье-то плечо. Сгибаясь и неловко переставляя ноги, обутые в роликовые коньки, в автобус забирался тот самый юнец, что недавно нарезал круги по площади перед магазином.

– Здравствуйте, – улыбнулся спортсмен, и я отметила, что «юноше» хорошо под тридцать. Улыбка собрала вокруг его глаз глубокие «гусиные лапки». «Юнец» тяжело опустился на оставленный начальством откидной стул и потянулся к крошечному ящику, оказавшемуся мини-холодильником, битком забитым минеральной водой в пол-литровых бутылках. – Софья Николаевна, кажется? – фыркнув открывшейся минералкой, спросил он и отхлебнул водички.

– Угу, – кивнула я и тут же завопила: – Слушайте! Скажите вашему Огурцову, что я никуда не поеду! У меня билеты пропадают! У меня цейтнот! Жених, пароход и так далее! Я что, обязана вам всяческие портреты составлять?!

«Юноша» поерзал, пожал плечами, сунул ополовиненную бутылку в широкий карман у колена на спортивных штанах и уклончиво ответил:

– Думаю, это не займет много времени.

– Да у меня его вообще нет! Мне еще сапоги… у меня еще столько дел!

Господи, ну зачем я поперлась на эту пристань?! Сидела бы спокойно у собранных чемоданов, книжечку почитывала… Так ведь нет! Как последняя дурища, следующая советам мамы, собрала пожитки с вечера, с утра разнервничалась с предвкушениями и побежала теплоходом любоваться! Голову проветрить, нервы охладить…

Энергию девать некуда?!

– Ну пожалуйста, – заскулила я, – пожалуйста, объясните вашему подполковнику, что не могу я ехать… И вообще. – Решительно распахнув дверцу, но не имея возможности проскочить через вытянутые ноги в роликовых коньках, я высунулась в дверную щель и завопила: – Никуда не поеду! Арестовывать меня вы не имеете права!

Подполковник Огурцов, Сидоров и гражданин в джинсовом костюме стояли неподалеку от отъехавшей в кусты «газели» и тихо переговаривались. Мой вопль заставил их дружно поморщиться, но иного ответного действия не произвел. Впрочем, Сидоров сделал шаг по направлению к автомобилю – я всерьез решила, что он сейчас дверцу захлопнет, та мне по носу чиркнет, и быстро юркнула в глубь салона, – но он только подошел ближе и обратился к «юноше»:

– Серый, выйди, – затем быстро занял освобожденное «Серым» место и приступил к повторной обработке свидетельницы: – Софья Николаевна, скажите, пожалуйста, – ах, ах, какие мы вдруг вежливые сделались! – вы могли не заметить, как объект сменил направление движения и ушел не влево, а вправо?

Говоря все это, Сидоров умело чертил план местности на втором листке А4: кафе, столики, прилавок, крестиком обозначил мое месторасположение, полоски асфальтированной набережной и гранитный спуск к воде. Стрелка показывала направление движения клетчатой кепки к речному вокзалу.

Вроде все верно. Я задумчиво посмотрела на план, перестала ерепениться и вразумительно уточнила:

– Рыбаков у воды не было?

– Нет, – ответил Сидоров, и всю полноту ответственности мне пришлось брать на себя.

– Я думаю… мне кажется… обратно он не пробегал. Я бы его заметила.

– Уверены? А вдруг?

– Вдруг, конечно, всякое случается… Но если человек спешит, а ваш «объект» очень спешил, то траекторию движения он вряд ли меняет. Когда я видела его кепку в последний раз, она уносилась к речному вокзалу.

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно произнес Сидоров и многозначительно посмотрел на подошедшее к микроавтобусу начальство, сопровождаемое джинсовым коллегой. – Он ушел туда.

– Н-да, – крякнул подполковник. – И куда потом делся?

Джинсовый за его спиной развел руками.

– Господа, – не стараясь даже вникнуть в проблемы контрразведки, проблеяла я, – у меня цейтнот. Билеты и так далее.

– Да-да, – рассеянно кивнул подполковник. – Сережа, разберись. – И ушел куда-то из поля видимости.

Следом за ним исчез и Сидоров, и место на откидном стульчике вновь занял «юноша» по имени Сережа. С трудом установил коньки под столиком – я в это время продолжала скулить без остановки – и вдруг, видимо не снеся женского расстройства, обратился к товарищу в наушниках:

– Палыч, у тебя комп Власова с собой?

– Угу, – кивнул востроухий Палыч и ткнул пальцем в плоский чемоданчик, подвешенный на крюк за его спиной, – туточки. А ты с ним работать умеешь?

– Обижаешь, – оскалился «юноша» по имени Сережа. – Мы с ним программу вместе запускали.

– А шеф не того?… – выразительно поинтересовался «слухач».

– Ну, попытка не пытка. Не ругаться же нам, в самом деле, с Софьей Николаевной, да?

Странные переговоры «Серого» и Палыча закончились тем, что на столе передо мной появился не листок чистой бумаги, а светящийся монитор ноутбука. Сергей довольно потер руки, нажал на клавиши и улыбнулся.

– Приступим к составлению портрета, Софья Николаевна?

Через сорок пять минут, когда я бодро рысила к «ниссану», припаркованному на стоянке «Миража», над моим автомобилем в бреющем полете пронеслась белая чайка и на глазах у владелицы метко прострелила половину капота и ветровое стекло жидким серым калом.

Символизм ситуации был-таки доведен до абсурда. Эксцесс получил логическое завершение. С десяток автомобилей застыло на парковке, но ни один из них не получил серой отметины. Лишь мой «ниссан». Поскольку, если верить Назару Савельевичу, только Софья Иванова имела отличительную особенность – появляться конкретно в том месте, где конкретно гадят.

В данном случае белые чайки.

И Назару Савельевичу можно верить…

Назар Савельевич прибыл за мной с точностью курьерского поезда. Предупредить звонком по мобильнику – меняй тапки на босоножки, – разумеется, не удосужился. Персоны, подобные господину Туполеву, всегда пребывают в уверенности, что их ждут в абсолютно товарном виде, на чемоданах, с зонтом и в босоножках. Я к тому времени успела ополоснуться в душе, на «живую нитку» подправить глаза и губы, засунуть в менее набитый чемодан игривые резиновые сапожки (все в разноцветных сердечках по

кремовому полю), свернутый в трубочку целлофановый плащ а-ля дачница пристроить в голенище левого сапога и положить сверху на чемодан огромный фиолетовый зонт на две персоны.

– Багажа не много? – оглядев чемоданы, буркнул Назар.

– В самый раз. Или ты думаешь, что я буду две недели ужинать в одном и том же платье? – Я любовно огладила ближний чемодан и без сомнения выдала: – Тут все тютелька в тютельку. Аккурат на две недели.

Вошедший вслед за Туполевым шофер подхватил мою поклажу, крякнул едва слышно и поволок чемоданы на улицу.

– Присядем на дорожку? – спросила я.

– В машине насидимся, – проворчал нежно любимый, и я тут же вспомнила мою дражайшую подругу Дусю. В моменты, подобные этому, Дуся обзывала Туполева «этот твой карликовый олигарх», и в моменты, подобные этому, я с ней соглашалась. Человек-топор был явно не в духе, и лезвие лица опасно посверкивало.

– У тебя неприятности? – цокая по ступеням подъезда моего элитного малоэтажного жилья за спиной «олигарха», поинтересовалась я.

Назар придержал передо мной дверь подъезда и скупо обронил:

– Дела разгребал.

– Разгреб? – в той же скупой манере побеспокоилась я.

– Да разве их разгребешь? Конюшни.

Я сочувственно почмокала губами и уселась на заднее сиденье представительского «мерседеса».

Пора было начинать радоваться.

Улицы города неслышно проносились за окнами машины, витающий в деловых облаках Туполев сидел рядом, на пристани раздувал пары белый теплоход, а туча унеслась куда-то далеко проливать свои щедрые слезы. Причин для радости набиралось с избытком, но просветленного умиротворения почему-то не наступало. В голове ржавым болтом вращались прощальные слова подполковника Огурцова: «В случае необходимости мы с вами свяжемся». Я держала Туполева за локоть, пальцами второй руки рассеянно барабанила по колену и все никак не могла выстроить поступки по степени значимости. Имеет ли право девушка, отправившаяся, так сказать, в предсвадебное путешествие, отключить сотовый телефон и не реагировать на призывы органов охраны правопорядка?

На мой влюбленный взгляд – имеет, однозначно.

Но если взгляд оставить в покое, то не получится ли так, что органы приедут за девушкой сами и снимут ее с рейса? Точнее, прилетят и выволокут. Это во-первых.

А во-вторых, стоит ли девушке каяться и рассказывать любимому о казусе на набережной? Слов нет, если бы Назар Савельевич приехал в добром расположении духа, я в порядке невинного бреда поведала бы ему о «клетчатом иностранце», своей наблюдательности и головотяпстве контрразведки. Даже похихикала бы: «Ах, ах, глупейшая ситуация, я единственный свидетель». Глядишь, и пронесло бы бурю стороной…

Но Назар Савельевич сидел мрачный, как та туча, поэтому повествование о моих очередных злоключениях я мудро решила оставить на потом. На время позднего интимного ужина, когда укрытые летними сумерками берега будут проплывать за окнами – или у них там сплошь иллюминаторы вместо окон? – парохода, а Назарушка, теплый и податливый, будет лакать третий фужер шампанского. Сказать, поцеловать и сразу в постельку, чтоб не бросился чемоданы за борт вышвыривать. (Видение плавающих за бортом чемоданов постоянно возникало перед глазами благодаря стараниям родимой матушки. Собирая неразумную дщерь в поездку, мама, пытаясь выглядеть убедительной, твердила:

– Будь благоразумной, Софья. Зная твой характер, умоляю – будь благоразумной. Твой первый муж был дивным человеком…

Пять минут из этой речи можно оставить за скобками, поскольку моего экс-супруга мама жутко уважала за породу и изысканность и вспоминала о нем с увлечением.

– …Теперь ты встретила Назара. Он человек совсем другого склада, тем не менее партия блестящая! – Матушка поднимала глазки к потолку, голос ее звучал с придыханием на последних словах, и становилось видно, как ей хочется стать тещей взаправдашнего олигарха. – Софья, вчера мне приснился сон: Назар Савельевич вытряхивает за борт твои чемоданы. Ты уже плаваешь в реке, а тебе на голову падают платья и юбки. Потом ты остаешься за кормой, как кучка мусора, а корабль уплывает за горизонт…

Красочная картинка, правда? Именно благодаря красноречию матушки «чемоданы за бортом» привольно расселились в моем воображении.

– Софья, умоляю! Будь благоразумна! Тебе двадцать шесть лет, – эту цифру маман выговаривала как шестьдесят два, – пора задуматься о семье. О детях. Будь благоразумна.

Но я была строптива. Хотя и влюблена. Я терпеть не могу напоминаний о бывшем муже, намеков на возраст (достаточно свежий, на мой взгляд) и пророчеств с придыханиями. Я девушка глубоко самостоятельная и давно привыкла все решать сама.

– Мама, – в результате сказала я, – будешь канючить, брошу и Назара.

Это был удар ниже пояса. Запрещенный и обманный. В Назара Савельевича Туполева я была влюблена, как сотня мартовских кошек. Его внимание мне досталось потом, кровью и первой сединой, поскольку за весь отрезок моей половозрелой жизни он показался мне единственным мужчиной, достойным приложения усилий. Титанических, но оправданных.

И вот теперь я была готова все качественно испоганить. Упасть в ложь словно за борт, накрыться мокрым ворохом чужих тайн и отпустить за горизонт нечто главное и единственно важное для юной девушки в двадцать шесть лет…

А может, плюнуть на все и вообще забыть? Клетчатого гражданина органы вряд ли поймают, уж больно прыток… Да и опознавать мне в нем, собственно, нечего.

Не парик же с очками, в самом деле, на опознании предъявят.

Ни забыть, ни плюнуть, ни договориться с совестью у меня не получилось по одной простой причине: единственным знакомым человеком в команде белого теплохода оказался контрразведчик Сидоров. Едва мы поднялись по трапу под милую музыку Вивальди, несущуюся из динамиков, и раскланялись с помощником капитана, как я тут же увидела в конце шеренги стюардов, вышедших принять гостей, перекошенное лицо с выпученными глазами. Контрразведчик Сидоров собственной персоной замыкал шеренгу белых стюардовских рубашек, а на его черном пиджаке висела табличка, рекомендующая сего господина как члена службы безопасности судна.

Ступор, напавший на меня, длился не более пяти секунд. Опытный Сидоров справился с, мягко говоря, недоумением еще быстрее, и, думаю, наш стремительный обмен взглядами остался незамеченным для окружающих. Туполев протокольно-любезно болтал с помощником капитана, его шофер передавал наш багаж стюардам, я и чекист старательно смотрели в разные стороны. Шея контрразведчика медленно наливалась малиновым цветом.

– Ваши каюты очень удобно расположены, – вещал помощник в белоснежном кителе. – Рядом находятся…

Что находится рядом, Леонид Аристархович поведать не успел. В кармане Назара Савельевича затрещал сотовый телефон, – этот зуммер я очень хорошо знала, так как из разнообразия мелодий именно этот колокольный перезвон всегда заставлял Туполева реагировать стремительно, – и месье олигарх тут же выдернул трубу наружу:

– Да, Валентин, слушаю.

Пароходный начальник сделал едва заметный жест, стюарды подхватили чемоданы и поволокли их сначала вдоль правого борта, потом свернули в коридор к каютам – Туполев все это время не отнимал трубу от уха, я молча топала следом – и, проведя гостей по укрытому мягким ковром коридору, остановились возле двух соседних дверей.

Никаких уточняюще-объясняющих речей ребятки не вели, по билетам господин Туполев был прописан в каюте 12а, его спутница, то есть я, остановилась возле

двери с табличкой 12б – наши каюты были смежными. Назар, не отрываясь от телефона, мотнул головой сразу всем: мне, мол, давай обустраивайся, ребятишкам – волоките багаж в каюты, – и скрылся в своем обиталище.

Я быстренько сунула стюардам чаевые, захлопнула дверь и восторженно покрутилась на месте. Каюта была шикарной. Нежно-голубые прозрачные шторы почти не скрывали чудесный вид на противоположный берег, удобные плюшевые кресла и угловой диванчик намекали на уютное времяпрепровождение, на длинном низком столике, находящемся в плюшевом окружении, стояли ваза с цветами, ведерко с шампанским, коробка с конфетами, блюдо с фруктами и два пустых фужера.

– Блеск! – взвизгнула я и с разбега бухнулась на большую двуспальную кровать, устроившуюся за углом-выступом, который образовывало помещение с удобствами. – Блеск!

Матрас был ровным, удобным и, на мой взгляд, немного жестким. Лежащая на нем Софья отражалась в глянцево посверкивающем потолке и прекрасно гармонировала белоснежным костюмом с приятно лазоревым покрывалом.

– Блеск! – повторила я и, повернувшись на бок, еще раз оглядела временное пристанище.

Общее радостное впечатление от каюты немного портил вид рабочего письменного стола с выставкой оргтехники. Компьютер, принтер, сканер и прочая писчая чепуха красноречиво намекали, что еду я не в предсвадебное путешествие, а сопровождаю Назара Савельевича в деловой поездке. В бизнес-круизе то есть. Туполев почти месяц размышлял, принять ли приглашение организаторов. Первоначально даже отказался, но, когда ему прислали уточненный список участников турне, дал согласие.

Льщу себе надеждой, что это решение он принял немножечко из-за меня. Вечно занятой магнат – каждая минута расписана! – отдыхал редко. И кратко. Но, собрав воедино все плюсы – начинающийся бархатный сезон, какое-то полезное знакомство и Софью с белым пароходом, приобрел два билета. На себя и сопровождающее его лицо без уточненного статуса. (Меня, видимо на всякий референтский случай, щедро снабдили оргтехникой и всевозможной канцелярской ерундой.)

Я отвернулась от письменного стола, пристроила голову на подушку и сосредоточилась на глянцевом потолке, старательно изгоняя из головы все мысли о перекошенном лице в конце шеренги белых рубашек.

Я не позволю испортить мне праздник всяческими шпионскими неурядицами! Приказываю себе забыть о подполковнике Огурцове, «газели», набитой шпионской аппаратурой, фотороботе «клетчатого» и самом факте моего присутствия на набережной! Я к этой поездке две недели готовилась в магазинах, фитнес-залах, салонах и парикмахерских! К черту всю разведку! К дьяволу оргтехнику! (Накрою ее газеткой и забуду напрочь. Я тут вам не работать, а отдыхать приехала.) Туда же неплохо бы отправить и контрразведчика Сидорова…

Аутотренингу и адресному распихиванию персонажей помешал негромкий стук в дверь. «Горничная или Туполев?» – подумала я и, встав с кровати, крикнула:

– Войдите! Не заперто, – и пристроила на лицо радостную улыбку.

В приоткрытую дверь ловко просочился контрразведчик Сидоров, и радости во мне сильно поубавилось. Уже не напружиненный службист прикрыл за собой дверь, нажал на нее спиной, продолжая держать левую руку на ручке двери, и зашипел без всякого вступления:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/obuhova_oksana/stavka-na-proigrysh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити